

Слова, отрепетированные сотни раз, замерли на кончике языка. Чжуан Янь так и не смог заставить себя погасить тот лихорадочный блеск, что горел сейчас в глазах Чжун Цина.

— Чжун Цин, не руби с плеча, — глухо произнес он. — Это серьезный шаг. Тебе нужно всё обдумать.

Он помедлил и добавил:

— По крайней мере... не сегодня.

Чжун Цин на мгновение задумался.

— Ладно, идет.

Он и не рассчитывал, что Чжуан Янь с ходу поверит в его «великую любовь». Для людей их круга и воспитания подобные слова обычно звучали либо нелепо, либо омерзительно.

В последующие дни Чжун Цин больше не заговаривал о своем признании. Он словно напрочь забыл о недавнем порыве, вновь обратившись в того самого ленивого бездельника, каким его знали все. Тот воодушевленный юноша из горной долины казался теперь лишь мимолетным видением.

На самом деле Чжун Цин ждал.

Ждал, пока спасенная им девушка окончательно порвет с бывшим и залечит душевные раны. Ждал, когда в голову придет по-настоящему блестящая идея — такая, что заставит Чжуан Яня поверить: его чувства не пустой звук.

И еще он ждал реакции самого Чжуан Яня.

Тот последние дни явно был сам не свой. Всегда невозмутимый, даже в те годы, когда его, как наследника, изнуряли тайными тренировками клана, Чжуан Янь никогда не выказывал и тени беспокойства. Но сейчас Чжун Цин без труда замечал трещины в этой броне.

Он впервые видел друга таким... неловким.

Прежде чем что-то сказать, Чжуан Янь подолгу взвешивал каждое слово, словно боясь ненароком свернуть на опасную тему. Но при этом он постоянно, украдкой, наблюдал за Чжун Цином, пытаясь окольными путями выведать, что тот думает о сложившейся ситуации.

Он избегал прямого разговора, но не прекращал попыток прощупать почву.

В точности как консервативный родитель, который до смерти боится подросткового бунта своего чада.

Так и не дождавшись от друга откровенного признания, Чжун Цин лишь сокрушенно вздыхал.

«Воистину, отцовская любовь крепка как скала, а молчание — золото».

Вплоть до самого возвращения домой Чжун Цин вел себя тише воды ниже травы. Он не предпринимал никаких шагов и даже ни разу не встретился с той девушкой.

Глядя на Чжун Цина, который едва поднявшись на борт частного самолета, тут же провалился в глубокий сон, Чжуан Янь наконец почувствовал, как тяжесть, давившая на сердце последние дни, немного отступила. Он облегченно выдохнул, словно утопающий, который наконец нащупал под ногами твердую почву.

Каникулы подошли к концу, и Чжун Цин вернулся к занятиям.

Чжуан Янь из-за дел в компании отпросился на утро. Еще с вечера они договорились, что специальный помощник Чэнь заберет Чжун Цина из университета в полдень, чтобы они могли вместе пообедать, а затем он отвезет его обратно.

Чэнь давно привык к странной привязанности своего молодого господина, граничащей с одержимостью, поэтому спокойно ждал у ворот. Однако прошло полчаса, а Чжун Цин так и не появился.

Помощник знал, что юный господин Чжун, с детства избалованный вниманием близких, никогда не отличался пунктуальностью. Опоздать на пять-десять минут для него было в порядке вещей.

Но полчаса — такого еще не случалось.

Чэнь попытался дозвониться до Чжун Цина, но после нескольких неудачных попыток сразу набрал номер Чжуан Яня.

Тот, помрачнев, приказал помощнику проверить все рестораны поблизости от университета, а сам распорядился связаться с клубами и заведениями, которые они обычно посещали.

Сам Чжуан Янь на предельной скорости погнал машину к кампусу.

По пути он обзвонил всех членов семьи Чжун, но безрезультатно. Телефон Чжун Цина молчал, а его родные пребывали в полном неведении, искренне удивляясь, как это Чжуан Янь упустил друга из виду.

В аудитории, где только что закончилась последняя лекция, еще оставалось несколько студентов.

Едва переступив порог, Чжуан Янь почувствовал неладное.

На полу валялись обрывки серпантина и примятые розовые лепестки. Под потолком замерли разноцветные шары, не в силах вырваться на волю. Чжуан Янь чувствовал себя гостем, опоздавшим на пир: в тот миг, когда он вошел, все разговоры стихли, и студенты уставились на него с каким-то странным выражением.

А затем он услышал имя. То самое имя, которое он скрывал от Чжун Цина все эти дни, боясь даже произнести вслух.

Бай Юэ.

Так звали ту девушку с берега озера. Чжун Цин признался ей в любви.

Сделал это именно тогда, когда Чжуан Яня не было рядом.

Чжуан Янь вернулся в машину.

Люди, отправленные на поиски, один за другим докладывали, что молодого господина Чжуна нигде нет.

Чжуан Янь так сильно сжал руль, что едва затянувшаяся рана на ладони снова лопнула.

Перед глазами то и дело всплывало лицо Чжун Цина в тот момент, когда он говорил о «настоящей любви». Образ был настолько ярким, что при каждом моргании в висках отдавалось острой болью.

Эта боль помогла ему окончательно протрезветь.

Если его нет рядом, нет дома, нет в университете и в привычных клубах... где он может быть?

Чжуан Янь знал ответ.

Он знал его с самого начала, просто отказывался признавать, намеренно отгоняя эту мысль.

Он открыл глаза.

Он не отдыхал уже очень долго; под глазами залегли тени, белки налились кровью.

Мотор взревел, и машина сорвалась с места, несясь к единственной цели.

Когда Чжуан Янь распахнул двери манежа, Чжун Цин как раз передавал поводья своей новой пассиве. Он мягко накрыл ладонь девушки своей рукой, придерживая ремень, и медленно повел за собой по кругу статную рыжую лошадь.

Его пальцы касались нежной кожи девичьей руки.

Чжун Цин немного смутился, но спокойствие, которое дарило ему присутствие «частицы», быстро вытеснило неловкость. Он чувствовал себя так, словно парил в облаках.

Услышав звук открывшейся двери, он обернулся и, увидев Чжуан Яня, тут же весело замахал рукой.

— Чжуан Янь! Скорее иди сюда, познакомься — это моя девушка, Бай Юэ!

Но Чжуан Янь не двинулся с места.

Он медленно поднялся на трибуны и сел, оказавшись спиной к свету.

Его лицо скрыла густая тень. Чжун Цин чувствовал на себе его пристальный, немигающий взгляд, но не мог разобрать выражения лица друга.

Вспомнив о чем-то, Чжун Цин подвел девушку к шкафчикам и выудил из рюкзака телефон. Экран пестрел длинным списком пропущенных вызовов.

Он хлопнул себя по лбу:

— Прости, Чжуан Янь! Я так разволновался после признания, что совсем забыл про наш обед.

Видя, что тот молчит, Чжун Цин оперся локтями о перила трибун и с улыбкой склонил голову набок.

— Ну ты чего? Неужели правда злишься? В такой-то счастливый день? Мы всё еще лучшие друзья или как?

Чжуан Янь смотрел на него сверху вниз тяжелым взглядом.

С этой позиции Чжун Цину приходилось задирать голову, и его взгляд — заискивающий, с легкой виноватой улыбкой — казался совсем детским. Словно он знал, что провинился, и теперь пытался подлизаться.

Чжун Цин редко улыбался, а уж так — и вовсе почти никогда.

Обычно в такие моменты Чжуан Янь сдавался. Даже если бы тот потребовал новую игровую приставку посреди ночи, он бы лишь вздохнул и пошел выполнять каприз.

Но сейчас взгляд Чжуан Яня был прикован не к безупречному лицу друга.

Он смотрел на их переплетенные руки.

Чжун Цин не видел ничего странного в том, что постоянно держит девушку за руку. Лошадь — животное крупное и для новичка опасное, он просто не мог оставить её одну.

Заметив внимание друга, он даже с каким-то озорством качнул их соединенными руками, словно хвастаясь своим счастьем.

— Серьезно, не будешь со мной разговаривать?

У Чжун Цина никогда не хватало терпения на долгие уговоры. Как и прежде, он решил оставить всё на усмотрение друга.

— Ну, тогда посиди тут, остынь. Как простишь меня — заезжай, покормишь голодного студента.

С этими словами он развернулся и пошел обратно к лошади.

Животное уже привыкло к запаху Бай Юэ. Чжун Цин осторожно обхватил девушку за талию и помог ей взобраться в седло, после чего повел лошадь под уздцы.

Бай Юэ никогда раньше не ездила верхом и то и дело норовила вцепиться в шею коня. Чжун Цин мягко пресекал эти попытки, терпеливо повторяя правила. Через несколько кругов девушка наконец расслабилась, и он начал учить её ловить ритм движения.

Он был удивительно чутким и терпеливым учителем. Спустя полчаса Бай Юэ уже могла самостоятельно управлять лошадью.

Чжун Цин тут же осыпал её похвалами.

Опасаясь, что с непривычки у неё разболются мышцы, он почти на руках спустил её на землю. Когда же он снова взглянул на трибуны, там уже никого не было.

Чжуан Янь сидел в машине. Он не уехал, а просто замер, глядя на здание манежа через лобовое стекло.

Это был самый закрытый конный клуб в городе. Здесь было всё: от лучших породистых скакунов до роскошных апартаментов. Здания с остроконечными крышами в западном стиле выглядели величественно, а бескрайние поля для выездки были устланы дорогим покрытием.

Всё это было наследством матери Чжун Цина.

При жизни она была наездницей мирового уровня, и маленьким мальчиком Чжун Цин часами сидел на краю поля, наблюдая за её тренировками.

После её смерти он продолжал приходить сюда.

В этом манеже он проводил больше времени, чем в родном доме. Но он никогда не садился в седло. Он просто сидел рядом с лошадьми, слушая их мерное дыхание и хруст овса, тихий и незаметный, словно приبلудный котенок.

Кроме Чжуан Яня, он никого и никогда не приводил в это место.

Но сегодня он не просто привел сюда Бай Юэ. Он учил её ездить верхом и даже сам заплел ей волосы.

Чжуан Янь узнал эту причёску с первого взгляда. Коса, перехваченная шелковым платком, выглядывающая из-под шлема — именно так любила укладывать волосы мать Чжун Цина перед выездом.

В голове зазвучали сотни голосов, заглушая рокот мотора.

И все они были его собственным голосом, твердящим одно-единственное слово: «Любовь».

Деревья за окном слились в сплошную зеленую полосу. В этом бешеном вихре Чжуан Янь внезапно осознал одну простую истину.

Он давно считал Чжун Цина своим «единственным». Кем бы тот ни был — другом, братом или возлюбленным — он был для него целым миром.

Но для Чжун Цина это было не так.

В его жизни всегда найдется место для других.

Он женится на этой девушке, у них родится ребенок — такой же красивый, как и он сам. Он целиком посвятит себя новой семье, а старый друг детства постепенно станет лишь бледной тенью из прошлого.

Рана на ладони отозвалась резкой болью.

Машина впереди внезапно перестроилась. Чжуан Янь не успел среагировать и на полном ходу врезался в неё.

Перед глазами всё побелело. Когда зрение вернулось, он увидел трещину на лобовом стекле. Кожу на голове саднило — видимо, задело осколком, и по лбу потекла теплая струйка крови. Подушка безопасности больно давила на грудь, в ребрах пульсировала тупая боль.

Чжуан Янь совершенно спокойно вызвал скорую.

У него даже хватило сил успокоить перепуганного водителя пострадавшей машины.

Пустяки. Царапины. Не умру.

А жаль. Если бы умирал, был бы законный повод позвонить Чжун Цину.

И если бы он сказал в бреду что-то лишнее, никто бы не посмел винить умирающего.

Чжуан Янь пролежал в больнице неделю, после чего потребовал выписки.

Ему наложили семь швов на голову и диагностировали перелом двух ребер. Эта авария словно подкосила его иммунитет: в первую же ночь у него поднялась такая температура, что дежурный врач не на шутку перепугался.

К счастью, молодой организм справился. На пятый день состояние стабилизировалось, и, несмотря на протесты врачей, он подписал бумаги об уходе.

Чжуан Янь не хотел, чтобы Чжун Цин видел его таким слабым и жалким. Он не сказал об аварии, сославшись на срочную командировку. Чжун Цин не заподозрил неладное.

А может, ему просто было не до того.

На телефон пришло уведомление.

В одном из разделов университетского форума постоянно постили сплетни, и главной темой последних дней, разумеется, был Чжун Цин и его пассия. Где они гуляли, что друг другу говорили, какие романтические жесты совершали.

Всю неделю Чжуан Янь с каким-то мазохистским упорством читал эти посты, не обращая внимания на сокрушенные вздохи домашнего врача, менявшего повязки.

Новый пост начинался с огромного плачущего смайла.

Анонимный автор сокрушался, что их любимый «шип» развалился, и не понимал, как «Две Звезды А-Университета» могли так разойтись. В комментариях уже выросли десятки этажей: фанаты с пеной у рта доказывали, что Чжуан Янь наверняка страдает от неразделенной любви.

Чжуан Янь холодно усмехнулся, глядя на экран.

Даже посторонние люди всё видят. Почему же Чжун Цин так слеп?

Неужели он настолько глуп?

Насколько, что достаточно будет любого предложения, чтобы заманить его сюда и запереть навсегда?

Тяжелые шторы были задернуты наглухо, не пропуская ни единого лучика света.

Минималистичный интерьер в серых тонах в этой темноте казался еще холоднее. Без освещения можно было разобрать лишь смутные очертания мебели.

Мрак обладает странной силой — он искажает время и пробуждает в душе самые грязные, потаенные желания. Желание перевернуть мир и превратить свою добычу в вечного узника.

Именно в эту тьму и шагнул Чжун Цин.

Отпечатки его пальцев были внесены в память замков всей недвижимости Чжуан Яня, так что он вошел беспрепятственно. Но из-за легкой «куриной слепоты» этого тела он не стал искать выключатель, решив пробираться на ощупь.

Чжуан Янь, погруженный в свои мысли, даже не заметил гостя.

Пока Чжун Цин с грохотом обо что-то не споткнулся.

— Чжун Цин? — позвал Чжуан Янь из темноты.

<http://bllate.org/book/16114/1588201>